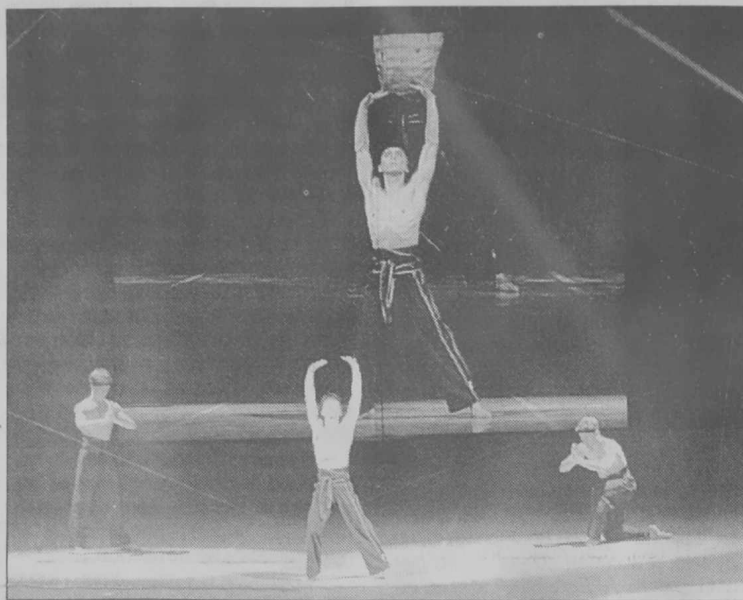

Москва слезам не верит?

Поводом для концерта в Большом театре стало 30-летие фильма Александра Митты

Сцена из спектакля "Избранный" (хореограф М.Ивата)

Андрис Лиела, председатель Фонда Мариса Лиелы, — мастер по придумыванию самых разнообразных идей, предпочитает воплощать придуманное и как режиссер. Подчас кажется, что он способен связать воедино разные жанры, стили и театральные приемы: кино, фортепианную музыку, строгость танцклассики и пластическую свободу модерна. Весьма произвольно раскрасить переводимую на визуальный язык идею замысловатыми голографическими картинками, добавить к антуражу сцены экран, на коем могут возникать кадры исторических хроник или — крупным планом — лица исполнителей, в результате чего почти всегда выходят эффектные шоу.

На этот раз поводом для гала-концерта стало тридцатилетие российско-японской мелодрамы "Москва, любовь моя". О фильме, как рассказывал сам Андрис Лиела, вспомнили почти случайно: "2004 год мы встречали в японском стиле. Гостиничный Двор на один день превратился в гостеприимный Токио. Новогодний праздник "Москва — Токио" заставил вспомнить все, что могло ассоциироваться с этой темой, и фильм возник как яркий пример творческого со-

трудничества в области балета и кино". В развитие замысла вписались еще два персонажа: Москва и Большой театр, где проходили съемки фильма. И закипела подготовка гала, осуществленная совместно с Открытым российским кинофорумом "Амурская осень".

Концерт готовился к юбилею Первостольной, но "датой" ему выпали дни траура и скорби. Учитывая печальный сюжет фильма (героиня погибает от лучевой болезни), вечер в Большом не отменили, как случилось со всеми развлекательными программами. Александр Митта (во время церемонии он скромно сидел в ложе) снял фильм о трогательной истории японской балерины, мечтавшей попасть в мекку балетного академизма. Судьба улыбается ей: она приезжает в Москву, встречает свою любовь (молодого скульптора играл Олег Видов), готовит партию Жизели. Выступить в спектакле балерине так и не суждено: унесенная от потрясавшей в Хиросиме матери негуд, настигает ее безжалостно и бесповоротно. Российская трагедия в Осетии срифмовалась с далекой японской катастрофой. Ужас от непоправимых трагедий связал пространство и вре-

мя. Концерт начался с минуты молчания в память о жертвах террора. Затем на экране прошли фрагменты фильма "Москва, любовь моя", раздвинулся экран и появилась Комаки Курихара, звезда японского театра и кино, исполнявшая главную роль в фильме. Она проникновенно выразила глубокие соболезнования семьям погибших, сказала, что пережила сильный шок, узнав о злодеяниях в Беслане, призналась в любви к русской культуре, помянула Чехова и Толстого, свои гастроли в Москве и не забыла никого из русских партнеров. Одну из них — Татьяну Голикову, сиротливо стоявшую рядом с Комаки, зрители узнали только после речи японской актрисы, когда Андрис Лиела и представил знаменитую танцовщицу, а ныне — педагога Большого. На этом торжественная часть завершилась.

Неосуществленную мечту героини картины — станцевать партию "Жизели" на сцене Большого театра — в гала воплотила солистка "Токио-балет" Юкари Сайто. Партнером опытной балерины стал, как и у героини фильма, русский танцовщик (в фильме — романтический Александр Богатырев), премьер Большого театра Андрей Уваров. Этот дуэт открыл первое отделение, которое посвящалось Японии (Андрис выразился изящно, назвав первую часть "нашим подношением Японии").

Ученик Московской академии хореографии Якимото Ясуоми, приехавший постигать классический танец из Страны восходящего солнца, станцевал балетный шлягер сборных концертов — вариацию Золотого Божка из "Баядерки". Классический крен "исправила" экзотика последующих номеров. Траурная птица Марчеллы Солтан в черном одеянии извивалась в пантомимном ритуале на фоне кадров атомной катастрофы. Честно говоря, в рядах зрителей, только что отравившихся от чудовищных кадров бесланской хроники, транслируемой в тот день по всем телеканалам в режиме non-stop, тут же "повисла" неловкость (словно в доме повешенного заговорили о веревке). Широко известный по концертам "Журавль" из "Снов о Японии" Алексея Ратманского свободно и выразительно был исполнен Дмитрием Бадановым, недав-

но пополнившим ряды премьеров Большого. Его сменила царственная Илзе Лиела, предложив публике премьеру номера "Мадам Баттерфляй", поставленного хореографом Александром Степкинским, работающим сегодня в Римской Опере. Когда-то пятилетняя дочь легендарного Мариса Лиелы впервые ступила на сцену Большого в роли сына Чисо-Чисан. Сегодня на музыку знаменитой пуччиниевской арии она танцевала обо всем и ни о чем. Хореограф выставил пластическую драматургию на позах, столь же эффектных, сколь и бессодержательных, раскрашенных светом лазерного фонарика. Танцовщица в пышном костюме пыталась наполнить пластику жизненными импульсами.

Японец Морихиро Ивата, солист труппы Большого (признанный мастер классических вариаций), поклонник айкидо и знаток нетрадиционной медицины, вновь примерил на себя роль хореографа, показав отрывок из готовящегося к постановке балета "Избранный". Подобно камертону, танцовщица настроила себя и публику на загадочные ритмы древних восточных легенд. Казалось, под магические звуки японских барабанов Кадо наш век вывихнутых понятий приоткрывал тайны восточных ритуалов древних мистических школ. Монолитный альянс японского эпоса, восточного стиля и русской классической школы показался и оправданным, и многообещающим.

Второе отделение вернуло к привычной балетной действительности и потопчало публику традиционным балетным концертом, начавшимся, впрочем, с фортепианной музыки. Юрий Розум по-школярски сыграл Шопена, завершив выступление сумбурным изложением "Революционного этюда". Не более чем старательным повторением текста выглядел "Умиравший лебедь" Марии Аллаш. А вот ее сотоварищи Нина Капцова и Дмитрий Баданов точно, озорно и весело чертили сложные построения Джорджа Баланчина в "Па де де на музыку Чайковского". Не менее азартно танцевали Наталия Ледовская и Андрей Баталов с виду простое, но дающееся только истинным мастерам, каковыми эти артисты и

предстали, па де де из "Корсара". Екатерина Шилулина и Виктор Дик вдохновенно, но не всегда технически точно "пропели" красивый дуэт Дмитрия Брянцева из балета "Призрачный бал". Самый теплый прием заслужили юная, выразительная и вдумчивая Нелли Кобахидзе и возвращающийся на сцену после тяжелой травмы Николай Цискаридзе, которые танцевали адажио из "Раймонды". Танцевали благородно и возвышенно, музыкально и совершенно. Наблюдать их импрессионистический танец было настоящим удовольствием. И если Кобахидзе и Цискаридзе показали нежные полутона балетной классики, то Галина Степаненко и Андрей Уваров — ее феерически яркие и победительно праздничные превращения. В черном па де де из "Лебединого озера" они были безукоризненны и заразительны. Под шквал аллюдиментов, не сходя с одного пятачка сцены, балерина исполнила свои коронные фуэте.

Ближе к финалу забылся повод. Один из череды концертов средней руки обеспечил приятное времяпрепровождение, но мучительно захотелось увидеть серьезные балетные спектакли, которые подменили в наше время многочисленные гала, без разбора устраиваемые по поводу и без. Вечера и концерты, в которых спешно komponуются номера. Не торпливостью ли вызваны непростительные грамматические опечатки в программке и буклете (честно говоря, столь грубых ошибок давно не приходилось видеть ни в одном театре), стоимость которого превышала финансовые возможности среднестатистического зрителя фильма "Москва, любовь моя".

Вечер не вышел в пространство тематического события и вполне соответствовал системе координат сборного концерта. Прошел и забылся. Хорошо, что часть сбора от его проведения по желанию самих участников перечислена на строительство школы в Беслане. Выходит, верит Москва слезам. Горьким и настоящим.

Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Игоря МЕЛЬНИКОВА

Курихара - 2004-10-22 сент. - с.10